

8. Schelling F.W.J. *Filosofiya iskusstva* [Philosophy of art]. Moscow, 1966.
9. Lyotard J.F. *Sostoyanie postmoderna* [Condition of postmodern]. Moscow, 1988.
10. Hegel G.W.F. *Fenomenologiya duha* [Phenomenology of spirit]. Saint Petersburg, 1992.
11. Sergunova G.A., Prasol E.V. Language of fashion and personality transformation in postmodern culture // *Kulturnaya zhizn Yuga Rossii*. 2019. № 1 (72). P. 100-106.

УДК 130.2
P.C. ЛАВО

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Лаво Роза Сулеймановна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры педагогики, психологии и философии Краснодарского государственного института культуры (Краснодар, ул. им. 40-летия Победы, 33), lavoroza@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена особенностям этнокультурной идентичности в современных условиях. Генезис и развитие информационно-сетевое общества привели к изменениям в иерархической системе идентичностей. Если в XX веке преобладала этнокультурная идентичность, то в XXI веке на первое место выдвинулась культурная идентичность. Социокультурные процессы в области идентичности привели к тому, что в исторически сложившейся как поликультурное сообщество народов России культурная идентичность, базирующаяся на российской культуре и русском языке как языке межэтнического общения, стала приоритетной, а этнокультурная идентичность превратилась в субидентичность. Локализацией доминантной идентичности стало не территориальное пространство, а ареал распространения российской культуры.

Ключевые слова: глобализация, информационное общество, миграционные процессы, этнокультурная идентичность, культурная идентичность, поликультурное общество.

UDC 130.2
R.S. LAVO

PROBLEMS OF ETHNOCULTURAL IDENTITY IN MODERN SOCIETY

Lavo Rosa Suleymanovna, PhD (philosophy), associate professor, professor of the cathedra of pedagogy, psychology and philosophy of the Krasnodar state institute of culture (33, im. 40-letiya Pobedyst., Krasnodar), lavoroza@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the features of ethnocultural identity in modern conditions. The genesis and development of the information-network society has led to changes in the hierarchical system of identities. If ethnocultural identity prevailed in the 20th century, then in the 21st century, cultural identity came first. Sociocultural processes in the field of identity have led to the fact that in Russia, historically developed as a multicultural community of peoples, cultural identity based on the Russian culture and the Russian language as the language of interethnic communication has become a priority, and ethnocultural identity has become a subidentity. Not the territorial space, but the area of distribution of the Russian culture became the localization of dominant identity.

Keywords: globalization, information society, migration processes, ethnocultural identity, cultural identity, multicultural society.

Современные процессы глобализации, регионализации и глокализации в развитии глобальной миротсистемы обусловили разновекторные социальные процессы в этнокультурной сфере. В результате развития диалектически взаимосвязанных процессов глобализации, регионализации и локализации в геоэкономических, геополитических и геокультурных подсистемах глобальной миротсистемы, формирования глобального информационного пространства «Интернет» наблюдается преодоление асимметрии в распределении информации,

усилении ее доступности, что оказывает детерминирующее воздействие на процессы социокультурной ассимиляции, гибридизации и сепаратизации. Эти процессы развиваются под воздействием обострения международной конкуренции, геополитических катаклизмов, столкновения геоэкономических интересов глобальных игроков мировых сырьевых рынков, производителей товаров и услуг.

Размывание национальной суверенности современных государств, создание различного рода и уровня трансграничных объединений с передачей части полномочий и унификацией правовых режимов привели к большей прозрачности границ и доступности свободы перемещения людей, тенденциям глобализации массовой культуры как наиболее доступной в силу своей универсальности для самых разнообразных этносов и социальных слоев [1].

Если в историческом прошлом примерно до середины XIX в. этнокультурная дисперсия была следствием пассивно изживаемого существования (с перспективой репатриации или ассимиляции) как результат военных или природных катастроф, то с середины XIX в. этнокультурная дисперсия начала принимать черты осознанно избираемой модели экзистенциального бытия наиболее активных частей социоэтнических групп в форме трудовой миграции в страны с более благополучной экономикой, а затем, примерно с 20-х годов XX в., и как результат разрушительных последствий военно-политических конфликтов, заканчивавшихся переустройством геополитического пространства в кризисных регионах, созданием компромиссных искусственных государственных образований, отвечавших геополитическим интересам доминировавших стран.

Миграционные потоки включали представителей традиционных социальных сетей – кровно-родственных, соседских, локально-территориальных, религиозно-общинных, социально-клановых. Новые этнокультурные сообщества образовывались по анклавно-территориальному принципу в городах как местах естественного притяжения мигрантов, образуя улицы и кварталы на основе этнокультурной иерархии, с параллельными государственным и муниципальным структурам институтами этнообщинного самоуправления.

Определенная замкнутость таких анклавно-территориальных поселенческих образований была обусловлена сепаратизацией рынка труда для мигрантов, различием в этнокультурном статусе и нормативно-ценностных ориентациях и религиозной жизни. Преимущественно неквалифицированные и малоквалифицированные сектора занятости – подсобные работы, строительство, торговля, сфера услуг, принадлежность к определенным религиозным конфессиям и деноминациям – все это способствовало сепаратизации и анклавизации мигрантских сообществ в принимающих государствах.

Утрата связи с территориями материнской культуры, как правило, низкий социальный статус мигрантов, стремление к укоренению в новом социально-культурном окружении привели в итоге к возрастанию стремления к осознанию мигрантскими сообществами собственной этнокультурной идентичности. Процессы формирования этнокультурных диаспор в принимающих сообществах, с одной стороны, и стремление государственных и муниципальных институтов принимающих государств к интеграции мигрантов в социум своей страны – с другой, генерировали возникновение и развитие движений диаспоральных этнических сообществ за гражданское и культурное равноправие. Если начиная в середине XX века мигранты стремились к интеграции в принимающие сообщества и их материнскую культуру, то в настоящее время в связи с проводимой с 1990-х годов в странах Запада политикой толерантности, которой отдали дань и российские политики, и социальные институты в нулевые годы XXI века, этнические сообщества мигрантов избрали стратегию этнокультурной сепаратизации.

Одним из эффективных факторов поддержания единства и управляемости этнокультурных диаспор стала сферы культуры. Правительственные и муниципальные институты управления стремились к ассимиляции этнических сообществ в рамках общегражданских принципов, закрепленных конституциями, опираясь на различные виды и формы глобальной массовой культуры, что отвечало интересам транснациональных корпораций и доминирующих на мировой арене и в регионах стран-лидеров[2]. В то время

как диаспоральные этнические элиты, в том числе и мегадиаспор, объединяющих дисперсные диаспоры с целью сохранения своего положения и политического и экономического веса, стремились к гибридизации форм и социальных технологий глобальной массовой культуры с архаическими архетипами этнических культур.

При этом политическим идеологиям, сложившимся в развитых цивилизациях, в качестве альтернативы была противопоставлена политически ангажированная интерпретация сектантских изложений вероучений традиционных мировых религий или неоязыческие религиозные учения, трансформированные в идеологические платформы, которые набирают популярность в условиях конституционного закрепления отсутствия государственной идеологии в основных законах государств принимающих сообществ.

В повседневных социокультурных практиках возрастает значение внеинституциональных форм организации диаспоральной социокультурной жизни в форме социальных сетей, в том числе и в диаспорах, где индивидуальный социокультурный опыт трансформируется в реальные идеоформы и виды социокультурных практик в рамках процессов социального конструирования [3, с. 11].

При этом необходимо учитывать роль массового искусства и исторически сложившихся этнических форм искусства (например, музыкального), потому что они обращены к коллективному воображению и общественному сознанию [4, с. 5-15]. Эти ментальные формы являются разновидностью социального конструирования картины мира, которая в социально-политической сфере реализуется в форме идеологии и, соответственно, политического сознания, сконструированных и направляемых политиками и учеными идеологами, а в сфере искусства – в художественном сознании, отражающем ментальное конструирование видения окружающего мира средствами искусства – «художественный мир, представляющий авторскую модель мира, реконструирует объективную картину мира» в отрефлексированной художником форме [5, с. 7].

В этой связи представляется возможным говорить о культурном сознании, которое отражает отрефлексированные потребности общества в сфере культуры, включая и культурное наследие, и проективное социальное конструирование культуры, и коллективное бессознательное [6, 7]. С точки зрения тенденций глобальной универсализации массовой культуры, в современную эпоху становления информационного общества «утрачивается культурное сознание в традиционном, национально-этническом смысле и формируется глобальное культурное сознание, во многом опосредованное виртуальной коммуникацией» [8].

Социально-коммуникативные каналы идеологического воздействия на этнокультурную жизнь диаспор позволяют активно манипулировать стремлением людей к сохранению своей этнокультурной идентичности, поддерживая внеправовые формы институционального социального управления в диаспорах [9, 10].

Эти процессы происходят на фоне развития феномена «плавающей», или «дрейфующей», идентичности, которая отражает динамику социокультурных ситуаций в контексте ускорения темпов трансформации социальных процессов в поликультурных обществах и развития сетевой идентичности в социальных информационных сетях интернета.

Осознание человеком принадлежности к определенной культуре может в рамках иерархии персональных и коллективно разделяемых ценностей занимать более высокое положение, чем этничность. Разделяемое людьми представление об общих нормативно-ценностных смыслах, культурно-исторической памяти и культурном наследии, использование языка, организующего речемыслительную деятельность, отношение к территории проживания, эмоциональное восприятие социальных институтов и социального порядка, отношение к внешнему окружению – все это составляет сущность идентичности [11, с. 46, 12].

В современном информатизирующемся обществе важное место начинает занимать культурная идентичность, что обусловлено массовыми миграциями различных этносов, превращением некогда более или менее однородных в этническом отношении регионов

в полиэтнические. В условиях конституционного закрепления в Российской Федерации отказа от общегосударственной идеологии ее функции перешли к культуре. Поэтому принадлежность к российской культуре, базовым основанием которой является русская культура, становится важным маркером, потеснившим этнические основания идентичности [13]. В этой связи можно утверждать, что предположение С. Хантингтона об утрате локализации идентичности в современном мире является ошибочным [14]. Локализация принимает новую форму пространственного ареала распространения культуры.

Не вполне обоснованным представляется и утверждение о том, что культурная идентичность как духовно-нравственная категория присутствует во всех проявлениях национального [15]. Например, принятия российской культурной идентичности народами, населяющими Россию, не означает отказа от субэтнокультурной идентичности.

В результате культурная самоидентификация и культурная идентичность превратились в настоящее время в доминантные в российском обществе и у представителей Русского мира в широком смысле этого слова, проживающих за рубежом России [16].

На основании всего сказанного выше можно сделать вывод о том, что в условиях информационной глобализации на основании сетевых социокультурных паттернов сети «Интернет» этнокультурная идентичность в поликультурной России превращается в субкультурную идентичность в поле культурной российской идентичности. Локализацией доминантной идентичности стало не территориальное пространство, а геокультурный ареал распространения российской культуры – Русский мир.

Литература

1. Юлдашева Ф.Х. Культурная глобализация и ее влияние на сознание человека // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2009. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-globalizatsiya-i-ee-vliyanie-na-soznanie-cheloveka>.
2. Gamlen A. Creating and destroying diaspora strategies: New Zealand's emigration policies re-examined // Transactions of the Institute of British Geographers. 2013. № 38. P. 238-253.
3. Миненков Г.Я. Идентичность как предмет политического анализа // Политическая идентичность и политика идентичности. В 2 т. Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий. М., 2011. Т. 1. С. 18-25.
4. Мухин А.С. Институты культурного сознания в контексте мифопоэтического опыта человека // Теория и практика общественного развития. 2013. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsii-kulturnogo-soznaniya-v-kontekste-mifopoeticheskogo-opyta-cheloveka>.
5. Семенов А.Н., Семенова В.В. Типы культурного (художественного) сознания: монография. СПб., 2010. 484 с.
6. Храпов С.А., Кашкаров А.М. Культурное сознание в информационную эпоху. URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2015/11-2/50.html>.
7. Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения (Принята 20 октября 2005 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_expression.shtm
8. Искусство и цивилизационная идентичность. М., 2007. 603 с.
9. Christou A., Mavroudi E. Dismantling Diasporas: Rethinking the Geographies of Diasporic Identity, Connection and Development. London; NewYork, 2016. 222 p.
10. Файзуллин Ф.С., Файзуллин Т.Ф. Этничность как социальный потенциал развития общества // Проблемы востоковедения. 2014. № 1 (63). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnichnost-kak-sotsialnyy-potentsial-razvitiya-obschestva>.
11. Pomian K. Patrimoine et identité nationale // Le Derbat. 2010. № 159. P. 45-46.
12. Kaufmann J.C. L'invention de soi. Une the oriedel' identite. Paris, 2004. 347 p.

13. *Матузкова Е.П.* Культурная идентичность: к определению понятия // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. Вып. 2. С. 62-68.

14. *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2008. 635 с.

15. *Галмагова Г.М., Кокаревиц М.Н.* Типология форм социокультурной идентичности // Векторы благополучия: экономика и социум. 2018. № 3 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-form-sotsiokulturnoy-identichnosti/>

16. *Думнова Э.М.* Специфика самоидентификации социального субъекта в условиях транзитивного общества // Идеи и идеалы. 2017. № 3 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-samoidentifikatsii-sotsialnogo-subekta-v-usloviyah-tranzitivnogo-obschestva>.

References

1. *Yuldasheva F.Kh.* Cultural globalization and its impact on human consciousness // Vestnik Povolzhskoy akademii gosudarstvennoy sluzhby. 2009. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-globalizatsiya-i-ee-vliyanie-na-soznanie-cheloveka>.

2. *Gamlen A.* Creating and destroying diaspora strategies: New Zealand's emigration policies re-examined // Transactions of the Institute of British Geographers. 2013. № 38. P. 238-253.

3. *Minenkov G.Ya.* Identity as a subject of political analysis // Political identity and identity politics. In 2 v. Vol. 1. Identity as a category of political science: dictionary of terms and concepts. Moscow, 2011. P. 18-25.

4. *Mukhin A.S.* Institutions of cultural consciousness in the context of human mythopoetic experience // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2013. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsii-kulturnogo-soznaniya-v-kontekste-mifopoeticheskogo-opyta-cheloveka>.

5. *Semenov A.N., Semenova V.V.* Typy kulturnogo (hudozhestvennogo) soznaniya: monografiya [Types of cultural (artistic) consciousness: monograph]. Saint Petersburg, 2010. 484 p.

6. *Khrapov S.A., Kashkarov A.M.* Kulturnoe soznanie v informatsionnuyu epohu [Cultural consciousness in the information age]. URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2015/11-2/50.html>.

7. Convention on the protection and promotion of the diversity of cultural expressions (Adopted on October 20, 2005 by the United Nations General Conference on education, science and culture). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_expression.shtml

8. *Iskusstvo i tsivilizatsionnaya identichnost* [Art and civilizational identity]. Moscow, 2007. 603 p.

9. *Christou A., Mavroudi E.* Dismantling Diasporas: Rethinking the Geographies of Diasporic Identity, Connection and Development. London; New York, 2016. 222 p.

10. *Fayzullin F.S., Fayzullin T.F.* Ethnicity as a social potential for the development of society // Problemy vostokovedeniya. 2014. № 1 (63). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnichnost-kak-sotsialnyy-potentsial-razvitiya-obschestva>.

11. *Pomian K.* Patrimoine et identité nationale // Le Debat. 2010. № 159. P. 45-46.

12. *Kaufmann J.C.* L'invention de soi. Une theorie de l'identite. Paris, 2004. 347 p.

13. *Matuzkova E.P.* Cultural identity: to the definition of a concept // Vestnik Baltiyskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta. 2014. Iss. 2. P. 62-68.

14. *Huntington S.* Кто мы? Vyzovy amerikanskoj natsionalnoy identichnosti [Who are we? Challenges to America's national identity]. Moscow, 2008. 635 p.

15. *Galmagova G.M., Kokarevich M.N.* A typology of forms of social and cultural identity // Vektory blagopoluchiya: ekonomika i sotsium. 2018. № 3 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-form-sotsiokulturnoy-identichnosti/>

16. *Dumnova E.M.* The specifics of self-identification of a social subject in a transitive society // Идеи и идеалы. 2017. № 3 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-samoidentifikatsii-sotsialnogo-subekta-v-usloviyah-tranzitivnogo-obschestva>